

Эфраим Баух

Ядро иудейства

эссе



Израиль

2015

Эфраим Баух

Ядро иудейства

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8922250
Ядро иудейства / Эфраим Баух: Книга-Сефер; Тель-Авив; 2015

Аннотация

Крупнейший современный израильский романист Эфраим Баух пишет на русском языке.

Энциклопедист, глубочайший знаток истории Израиля, мастер точного слова, выражает свои сокровенные мысли в жанре эссе.

Небольшая по объему книга – пронзительный рассказ писателя о Палестине, Израиле, о времени и о себе.

Эфраим Баух

Ядро иудейства

В отличие от многих, не было у меня вначале острой эйфории, а потом – горького разочарования, когда я ступил на землю Обетованную. С детства я знал, что мое место здесь. И вступив, как говорится, в собственную Историю, я готов был ее принимать со всеми ее подъемами и падениями.

Был ли я очарованным странником, верным «Земле обетованной», как Одиссей – Итаке?

Подозревал ли я в себе «блудного сына», но старался об этом не думать в течение сорока лет?

Земля же эта была мне верна. Да и не во мне, как и в Одиссее было дело, а в земле этой, не предавшей себя.

Кто не пытался ее прельстить – дети Христа, дети Магомета, дети Сталина. Под пятой каких только империй не пребывала эта пядь земли – египетской, вавилонской, персидской, греческой, римской, арабской, турецкой, британской.

Но крепость духовного ядра иудейства оказалась настолько сильна, гибка, жизненна, что об него обломали зубы все кажущиеся неотразимыми идеи, идеологии, системы.

Как это ядро сумело соединиться с умением ремонтировать старые корабли, со смелостью уловить пробивший время молниеносный миг судьбы и провозгласить не суще-

ствовавшее по сей миг государство?

С десяти лет, после возвращения из эвакуации, подсознанием я знал, что место мое в Израиле, и любое упоминание о нем, что было весьма редко в те годы, и на каждом стояло клеймо – «заклеймить», было для меня подобно дуновению «ветки Палестины» из стихотворения Лермонтова.

Палестина – прелестина...

Родина таится в деталях – запахе, пейзаже, камнях, словно в сотах, Истории.

Душили слезы, потому что в эти первые минуты пребывания в Израиле, я так остро понял, что сразу и напрочь избавился от страха преследования, заушательства, омерзения от собственного слабодушия, но еще не привык жить без этого.

Позднее, когда пошел поток приезжающих из России, и на меня со всех сторон катилось недовольство и проклятия, я опять ощутил удушье: вот же, удрал от них, а они меня настигли и достали.

Близился конец марта. Возвращаясь с прогулки, я замер на краю сада, под деревом цветущего жасмина, насыщающего свежестью вечерний воздух. В серо-стальном предсумеречном небе отчетливо, вещно, почти наощупь, висела пиала луны доньшком к земле, а над нею, в высоте, ярко, немигающе сверкала звезда.

И настолько ощущалась невидимая связующая нить между луной и звездой, что они казались замершим маятником. И чаша луна была занесена налево, а звезда воспринималась осью равновесия земли и неба, мгновения и вечности, покоя и умиротворения души человеческой.

Горы Иудеи я впервые увидел на заре. Особая таинственная сила приподняла душу близостью к Богу, чего не ощущал, видя в свете зари сверкающие снегами вершины Кавказа. Слишком большим внешним восторгом они захватывали душу, не оставляя места Ему.

Негоже копошиться на земле, обреченной мировой Мистерии.

Солнце за спиной клонилось к закату. Возвращался в сумерки, светлые книзу там, где угадывалось море. Темнели громады домов. Окна светились уютом. Сумерки полны были свежести, и холодящая печаль жизни очищала дыхание, делала шаг легким, и душа раскрывалась, как роза Иерихона, чтобы впитать этот становящийся родовым горизонт.

Иудейская концепция мироздания – брыкающийся конек, и оседлать его нелегко. Отождествлять себя с этим непросто нам, отрицавшим идеологию, которая опосредованно впиталась в нас. Оттуда ушли – сюда не пришли. Висели между.

Отсюда – неуверенность, рождающая недовольство и агрессивность.

Словно одним рывком вырвав корни своей судьбы переездом в Израиль, я видел происшедшее четко: покинул «империю зла» не только ради свободы, но и жизни в возродившемся потоке Истории своего народа.

Не было реальной слов «Отпусти мой народ», начертанных на папирусе ли, коже, стене «перстами руки человеческой».

Теперь же, с развалом «империи зла» даже метафора в пастернаковском смысле «орлиного охвата» событий не схватывала реальность, разваливающуюся, как в калейдоскопе.

Всё то, что семьдесят лет на виду у всего мира выдавалось за «светлое будущее», а, по сути, было преисподней, вдруг открылось, как в анатомичке – в реальных развороченных внутренностях, в черной дыре гибели, поглотившей 60 миллионов жизней, и смешны были споры о цифрах. Как выразить все это абсурдное, называемое Историей и однажды уже определенное Джойсом, как «сон пьяного трактирщика Ирвикера» в романе "Поминки по Финнегану"?

Реальный хаос кружил голову сильнее алкоголя и наркотиков.

Когда думаешь о том, что удалось дожить до самоубийства Гитлера, Нюрнбергского процесса, смерти Сталина, опровержения «дела врачей», начинаешь осторожно верить, что еще не все потеряно.

На пороге нового тысячелетия я ощутил, что жизнь от мгновения ока до вечности выразима лишь искусством и любовью.

Это – два крыла жизненной тайны.

Стою на набережной Тель-Авива.

Мотыльково белеет парус одинокий.

Голубизна всепоглощающая.

Чуть более пятидесяти лет назад возникла эта страна евреев, по которой с минарета мечети Хасан-Бека за моей спиной, сухим треском разрывая великолепную тишину голубого пространства, вели пулеметный огонь арабы. До тех мгновений наш избранный на страдания народ, против которого весь мир использовал событие, связанное опять же с евреем Иисусом, Мессией, который по-гречески – Христос, витал в воздухе все эти две тысячи лет. Сначала подобно привидению, потом в виде дыма и пепла Катастрофы, и только в этот ничтожный отрезок времени встал твердо на землю, хотя и на одной ноге, по знаменитой притче Гилеля, да еще хромя, как Иаков после борьбы с Ангелом. Но стоит он у основания лестницы в вечность.

В центре абсорбции, в первые недели, я спал, просыпался, пил воду, и снова засыпал.

Вероятно, таким образом, изживают из себя страх и напряжение смены места жизни, всё более ощущая прочность берега, куда спрыгнул с качающейся льдины прошлого, ко-

торое даже этот последний прыжок ставило под угрозу: оттолкнувшись, можно свалиться в полыню.

Всё еще качало: пошаливали нервы. Как в музыке, резкие диссонансы отошедшей жизни все еще вызывали сердцебиение. Врачи произносят слово – синдром. Проще это называлось комплексом ощущений. Пугало трубное, как торможение на полном ходу, вызывающее прилив крови, слабость в кончиках пальцев, головокружение и тошноту слово – «синдром».

Всё здесь вокруг, при горячей приязни, заранее отданной этому месту, воспринималось не так: дома стояли не так, свет и тени угнетали непривычной резкостью, бесшабашно ослепительная солнечность полдня вызывала тревогу.

С трудом сдерживаемый восторг казался мне то выздоровлением, то еще большим углублением болезни. Но и эйфория несла свои плоды. Они могли быть незрелыми до оскомины, но давали резкий новый вкус набегавшему новыми местами и впечатлениями времени.

Я просиживал на берегу, только подумать, Средиземного моря, как бы очищаясь отчужденной и в то же время касающейся самой сердцевины души синью. Начинало темнеть, и я не отрывал взгляда от огненного шара, закатывающегося в густую, как масло, морскую пучину.

После слякотной тоски северных зим, всасывающих саму жизнь, этот декабрьский день южной зимы с облачной тяжестью, накатывающей с плоских пространств Средиземно-

го моря, был удивительно полон жизни. И ощущалась она в промытой отчетливости фонарных огней, четких очертаниях пальм, колышущихся метелками, в юношеском очерке луны – в прорехах облаков, словно бы природа давала понять, что всё это бурно-ливневое, мимолетно, и не стоит брать грех на душу, принимающий очертание тоски и отчаяния.

В этот предзакатный час с умиротворенно-голубым небом и розово-прозрачной призрачностью облаков, красноземье у подножья рощи, которую я пересекал на обратном пути, казалось очарованным собственной печалью и затаенным удивлением делам Божиим.

К седьмому часу все цвета гасли. Оставались лишь мазки облаков в небе и темные массы холма и рощи.

Глядя на звезды, я думал о том, что в эти же мгновения на эти же звезды глядят мои друзья и знакомые, оставленные мной по ту сторону Ойкумены, в как бы не существующих, но таких знакомых, до малейшей детали, землях, вплоть до тени тополя на скамье, где я сиживал в юности. Это меня сердило.

Память не отпускала.

Память была честнее искреннего и все же неосуществимого желания полностью оторваться от прошлого. Все сны были там.

После посещения различных учреждений – больничной кассы, банка, отделения профсоюза, университета, куда сда-

вал документы и уже имел несколько бесед с преподавателями и деканом факультета, где занимались славистикой, общей философией и историей, я возвращался в репатриантский центр, буквально высунув язык.

Однажды, присев на скамью у перекрестка улиц, долго следил за дряхлым псом, который гнался за каждой машиной, добросовестно ее облаивая. Затем, выдохшись, залег на отдых, в осознании выполненного долга и полезно отработанного дня. Это напоминало мне мое собственное, пока явно бесцельное, копошение. Но кто же кормит пса, или свое неотъемлемое право лаять на хозяина пес не продает за чечевичную похлебку?

Диссонанс начинал восприниматься новым пространством музыки: так скребущая сердце какофония разрывов жизни, казалось, трещавшей по швам, оборачивалась додекафонией.

Скрипичный ключ колокольни францисканского монастыря старого Яффо разворачивал нотную линию горизонта, и город пронизывался главной темой, невидимо, но всеслышимо и всеощутимо проникающей во все самые глухие слуховые извилины этого разрастающегося на глазах и в реальном времени городского урочища.

Квартиру я получил недалеко от моря. Над крышами "городского моря", по выражению любимого им Блока, закаты андерсеновской сказочности вершились в его окнах. Я, конечно, случайно получил эту квартиру, раскрытую лицом к

моря, как новый репатриант, но в этой случайности виделся мне перст судьбы.

На этой малой земле каждый камень, имя, название, подобны колышку, за который можно уцепиться, укрепить память сердца, корень души, летучую палатку жизни, которая дворцов и храмов тяжелей. Такова эта земля, что каждый обычный сюжет разворачивается на ней сразу в двух планах – сугубо земном и небесном. По сути, речь о жизнеописаниях. Ведь история человечества – это история семей, отцов и детей, одним словом, поколений. И вот – история семьи первого человека, Адама и Евы, семей Авраама, Исаака и Иакова. Каждый их шаг отмечен на топографии этой малой земли: вот колодец Авраама, колодцы Исаака, место у реки Явок, где Иаков боролся с Ангелом, место Дотан, где братья бросили Иосифа в колодец. Нет иного места на земном шаре, где от каждого холма, колодца, камня мгновенно начинается история мира, подобно свитку – вглубь тысячелетий. Это и есть – Книга Книг, Танах, Библия, тираж которой в мире ныне достиг двух с половиной миллиардов экземпляров.

Невыраженное, и потому еще более мучительное влечение к этому феномену требовало от меня, первым делом, сделать нелегкое, но невероятно необходимое и благотворное усилие – прочесть Священное Писание в оригинале.

И уже с первых дней пребывания здесь пробуждало и побуждало столько лет лениво дремавшую душу взаимоотно-

шение текста и пространства при самых обычных поездках, положим, из Тель-Авива-Яффо в Иерусалим или в другие места этой, в общем-то, узкой полоски земли, тем не менее ставшей в мировом сознании Землей Обетованной, места, мгновенно вызывающие в памяти устойчивое воспоминание, некий мини-архетип на глубину собственной моей жизни, но тут же включающий меня в это на взгляд обычное пространство полей, холмов, лесов и перелесков, ущелий и гор.

К примеру, едешь в девять утра по шоссе на Иерусалим, напрямик на восток, навстречу солнцу, слепяще распахнутому в глаза, до плавного поворота на юг, и горы Иудеи в этом свете мерцают легкими, тонкими, как на китайском рисунке, декорациями, нанесенными пастелью. Повернул на юг, и тут же, слева обрывом Иудейских гор маячат селения верхний и нижний Бейт-Хорон, и неизвестно, что более убедительно для души – этот скалистый обрыв или история разгрома войск селевкидов Маккавеями на этом спуске.

Миф, легенда, история, древняя реальность опережают, оттесняют, берут в абсолютный плен эти на вид ничем не примечательные места. Вероятно, потому, что земля эта мала и преизбыточно насыщена образами и событиями истории на глубину времени, во всяком случае, не менее трех с половиной тысяч лет, энергия воображения здесь интенсивней, чем в любой другой точке мира, эти события и образы, их стечение, противостояние, наложение, повторы, вытека-

ние одно из другого, некое подобие матрешки, где семь "я" это и семья и и каждое "я" отдельно и враждебно одно другому, порождает невероятной мощи духовный кокон, из которого выпрастываются великие религии: из иудаизма, из знаковой гениальности отточенных понятий о Боге, его освященных временем и глубиной проникновения Книг, вызревают христианство и ислам. Первое этого и не скрывает, ссылаясь в каждой своей строке на Тору, Пророков и Писания, как на повеления Свыше.

Ислам же заглатывает всё это, подобно легендарному киту, Левиафану, и выбрасывает пережеванным, как последнее слово Божье, с криком "Алла акбар" – "Аллах велик".

Тем временем лесопарк на месте древнего города Хамат стирает дальнее мерцание гор, неся уже целое гнездо мифов. В бытность после вхождения народа Израиля в землю Обетованную, здесь крикнул Йошуа бин-Нун: "Солнце, стой над Гаваоном, луна над Аялонской долиной". Здесь, в городе Хамат, ставшем позднее Эммаусом, воскресший Иисус встретил паломников, что запечатлено на полотне Рембрандтом. Ныне на этом месте – монастырь молчальников, а напротив, справа от шоссе, в Латруне – здание бывшей сначала турецкой, затем британской полиции, ставшее музеем артиллерии и бронетанковых войск Армии обороны Израиля.

Текст Пятикнижия, Летописей и Пророков мог быть *пассивным* источником символов, мифов, архетипов, образующих, вместе нечто, именуемое иудейством, иудаизмом, ев-

рейством. Но текст этот мог быть и *активным*. В нем энергия гениального словесного потока сознания сливалась с потоком реальных событий. Хаотичность, случайность, драматичность, трагичность этого потока сама искала собственный смысл и форму – опять же, миф, символ, архетип.

События навечно повязывались с топографическим местом – от первого восклицания Бога "Да будет" – в слухе и в знаке. Пространство этих гор, долин, ущелий, отдельных камней несет первородство этих событий, вовсе не запечатленных в камне или скульптуре, а лишь в слове. События эти являются как бы наследниками этого пространства, плотность которого на этом пятачке в понятиях земного шара гениально и счастливо их интенсифицировало, потрясая еще младенческое сознание человечества.

Все эти образы и события, в каждой клетке и знаке которых присутствуют Бог и человек, оторвались и ушли в большой мир, вошли архетипами во все языки, но изначально и навек пленены этим их "родовым" пространством. Оно продолжает их держать пучком стрел и мгновенно раскрывается в памяти знаком-паролем – "Мегиддо", "Иерихон", "Азека", Масличная гора и Кедронская долина Последнего Суда (долина Йосафата).

Это пространство – родина художественного.

Это пространство – нечто природно-материальное – именно здесь совершило прорыв в сферу духа, осознавшего впервые Бога – его единоначальный феномен.

Но без отдельного, сосредоточенного в своем одиночестве, отделенного от всего "шума времени и бытия", человека, обладающего гениальным чутьем слушать свое подсознание, корнями уходящее в природу и дух, ничего бы и не было. Только он, одинокий, подающий голос, различивший корни мифа, символа, ошеломленный силой знака, уже в момент начертания отрывающегося от своего рисунка, увековечивающего мимолетное и уже не исчезающего, только он, человек, становится мыслью, сознанием, самосознанием, образом и подобием – создателем наново в художественном и духовном плане этого пространства.

Самое удивительное, как этот духовный свод сохраняет свою силу через тысячелетия разрушения стереотипов, отпадающих в непрекращающемся процессе живого существования поколений. В нем не угасает глубинное, ни от кого и ни от чего не зависящее стремление поддержать свежесть и естественность человеческого бытия, – в противовес выступающему в напряжении всех своих мышц хаосу изначальной энтропии, немоты, беззнаковости и бессловесности.

Все это зачаточно и смутно мучило меня там, а здесь просто стало одержимостью. Это была жажда осознать себя в новом контексте, в новых обстоятельствах, читающих в отпущенных пределах жизни эту древнюю знаковую систему, как новый свет нового дня, неповторимого во временности, настырного свидетеля, который по-новому высвечивает, разыгрывает и толкует это древнее пространство.

Я думал о вещах. Они выскакивали из-за каждого угла, поворота, шума, свиста, дыхания, и это не были только вещи в немецком понимании слова Ding (Kant, Hegel) в смысле "обслуга (Динген – служить), а в более широком смысле с прибавлением времени в 3000 лет, и оно ощущалось хвостом кометы, световым веером за каждой вещью, именем, названием. Сквозь беспмятные воды забвения эти имена и названия стояли, как деревья и камни – незыблемыми основаниями, вросшими в это малое пространство памятью того или иного единственного во времени события, застолбившего вечность.

И вот тут-то возникает момент смыкания текста с собственной жизнью его создателя. Биография художника внезапно обнаруживает в себе внутренние линии, течение, наущность выразить себя в тексте, ибо она, биография, наиболее ему знакома, она и зеркало и зазеркалье жизни художника.

Все комплексы его разделяются текстом.

Более того, нередко текст обнаруживает еще большее упрямство в этих комплексах, чем сам творец, погружая последнего то в депрессию, то в эйфорию.

Вот я и поставлен в эпицентр мифа, быта и бытия, россыпи знаков. И эта позиция изматывает своей обязывающей интенсивностью проживания в двух языках.

Вспоминаю слова Эйнштейна:

"Влечение к знанию ради самого знания, почти фанатич-

ная любовь к справедливости и жажда личной независимости – таковы черты еврейской традиции, которые заставляют благодарить Бога, что я принадлежу к еврейству...

...Но еврейская традиция включает в себе и еще нечто, находящее великолепное выражение во многих псалмах, а именно какой-то вид необузданной радости и удивления перед красотой мира, о котором человек может себе составить лишь слабое представление. Радость – это именно то чувство, из которого истинная наука черпает духовную поддержку; эта же радость выражается разве что в пении птиц..."

Приходит на память строка Пастернака – "И даль странств – как стих псалма..."

Оркестровый оком юга лихорадит нежностью своего пианиссимо, трагическим ландшафтом своего стаккато. Сирены пианизма сидят на колоннах его метафизической архитектуры, протягивающейся жемчугом развалин вдоль берегов Средиземноморья, через Малую Азию, Афины, Рим и далее, до геркулесовых столбов Гибралтара. Вот с чем повязана моя земля Обетованная, которую усиленно пытаются втиснуть в контекст Леванта.

Восточный берег этих вод – прямое продолжение средиземного подбрюшья Европы. В конце концов к Азии его причислил какой-то географ, но у Бога и культуры свои духовные границы материков и чаще всего они не совпадают с высокомерной категоричностью географов и путешественни-

ков.

Насколько далеко и несводимо разведены такие два понятия, как – "азийские пространства" и "азиатчина".

Это была необычная поездка, – первая, в Иерусалим, за рулем собственной машины. Вообще, дорога в Иерусалим вызывала во мне внутреннее напряжение, какую-то предельную, с трудом им самим переносимую сентиментальность, которая затрудняла дыхание. А тут еще накладывалась на это напряженность от прикованности к рулю, от переключения скоростей, от вида лежащих на обочинах сожженных арабами еще в сорок восьмом машинах, на которых евреи пытались прорвать кольцо блокады Иерусалима. Ко всему этому, в голову лезли складывающиеся в стихи строчки, и я повторял их про себя, боясь забыть:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.